

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.46698/t7678-5016-0812-s

ЗНАКОВЫЕ ФУНКЦИИ И СИМВОЛЫ ОДЕЖДЫ В НАРТОВСКОМ ЭПОСЕ ОСЕТИН

З.В. Канукова, Б.Т. Цогоев

Картина мира, характерная для традиционной культуры, транслируется самыми разнообразными способами, в том числе посредством описания предметов быта, отражающих миропонимание этноса. Изучение фольклорных источников позволяет реконструировать некоторые архаичные формы вещественного быта, в частности, представления об одежде, проследить тенденции их бытования в динамике общественного развития, в изменившейся среде обитания, в условиях внешних влияний и взаимодействий с инокультурным окружением. Исполнители нартвовских кадагов – носители коллективной исторической и культурной памяти народа – посредством многообразных эпических формул транслируют информацию об отдельных элементах одежды и традициях ее изготовления и ношения, которая со всей очевидностью свидетельствует об отражении в ней нескольких эпох и культурных пластов, о преемственности с традиционной культурой осетин.

Анализ нартвовских кадагов дает основания утверждать, что они не являются источником для полного этнографического описания костюма человека в Стране нартвов, но содержат не менее важные сведения о социальных и символических функциях одежды. В культурном пространстве этноса это не только часть культуры жизнеобеспечения с утилитарным назначением, это – текст с собственной семантикой.

Выявлено, что одежда у нартвов – престижно-знаковый элемент культуры, этнический и социальный маркер, мерило достоинства человека. Кроме того, одежда – знатный трофей, награда за доблесть, ценный подарок в мужском социуме, непременная составляющая свадебного дарообмена, часть калыма, объект наследства, форма подкупа, компенсация за нанесенное оскорбление. Эти и другие функции позволяют характеризовать одежду как структуру повседневности, отражающую многообразные связи и отношения в рамках описываемой реальности.

Ключевые слова: нартвовские сказания, культурная память, социальные функции одежды.

Одежда отражает сакральные представления, ментальность носителей и хранителей эпоса на разных этапах историко-культурного процесса. К наиболее ранним предметам мужской одежды – доспехам,

соответствующим героике образа жизни нартов, относятся кольчуга и шлем. Исследователи фиксируют искусство изготовления аланами кольчуг и панцирей, их широкое распространение в аланской среде, а также предполагают, наряду с оборонительными и декоративными функциями, магически-охранительное назначение указанных доспехов [1, 136–137]. Носители эпоса придают кольчуге чудесные свойства. Дочь Солнца Ададза преподносит в дар свекру кольчугу, которая «... была такова, что воротник ее песню заводил, нагрудник подпевал, рукава в лад хлопали, а полы сами плясали» [2, 338]. Когда враги отняли кольчугу, невестка потребовала от мужа отомстить обидчикам и непременно вернуть эту ценную вещь.

Шлем, как широко распространенный символический признак милитарной экипировки в фольклоре многих народов, также наделен чудесными свойствами. Так, получив сигнал о приближающейся опасности, волшебный шлем Бидаса мгновенно опускается на голову воина [2, 500]. Такими же свойствами обладает непробиваемый Цереков шлем. Будучи престижно знаковыми предметами, кольчуга и шлем передаются по наследству, например, нарту Тотрадзу они достаются от отца [2, 421].

Охота, как важная составляющая хозяйственной культуры и образа жизни нартов, обусловила бытование такого вида верхней одежды как шуба – лисья, соболья, волчья. Такая шуба представлена в эпосе как маркер высокого социального статуса. Лисьи и собольи шубы носили знатные нарты Урызмаг [2, 249], Сослан [2, 158], Хамыц [2, 88], Маргудз [2, 345]. По наущению Сырдона нарты требуют от старика Дзылы, чтобы сын его показал свою доблесть, добыв для отца «соболью шубу алдара» [2, 353]. В кадах упоминается даже шуба самого Бога, обладающая волшебными свойствами [2, 34]. Ценность шкуры убитой лисы подтверждается сюжетом о споре нартов за обладание ею: Хамыц потребовал ее себе на шубу, Сослан – на шапку сыну, Урызмаг – отвороты для своей шубы [2, 66].

Нартовские женщины сами шили шубы, как и остальную одежду. Шатана наказывает Сослану добыть волчьей шкуры для шубы, тут же их получает и приступает к изготовлению. «Крепкий раствор для дубления шкур тотчас приготовила Шатана. Продубила она волчьей шкуры и сшила из них шубу» [2, 158]. Практика дубления шкур была широко распространена у осетин и обозначалась термином *æлдыгъ*. В.И. Абаев, трактуя понятие *æлдыгъ*, описал и состав «дубильного раствора»: «сылы хуырх сыворотка, цæхх соль, ацудас квасцы, фæрак отруби» [3, 276].

Исследователи отмечают наличие богатой лексики, связанной со скорняжным промыслом у осетин [4, 114], что подтверждает этнографические

сведения о развитии ремесел, основанных на обработке продуктов животноводства: овчины, шерсти, кожи [5, 141].

Интересно отметить, что шуба в кадагах является атрибутом исключительно мужского гардероба, в них не встречается упоминаний о наличии верхней одежды у женщин, что вполне соответствует этнографической действительности осетин, с ее ограниченным женским пространством, не предполагавшим дальних путешествий и дел вне дома. Они вполне обходились теплыми шальями и мужскими надплечными накидками и овчинными шубами. Гораздо позднее зафиксированы практики декорирования таких шуб сатином и даже шелком [6, 153-154].

Из женской одежды сказители больше упоминают *«пумпурно-шелковые ткани»*, *«красные шелковые наряды нартовских девиц»* [2, 274]. Чтобы отвлечь пастуха и завладеть его стадом, Нарт Сослан с товарищем решили отвлечь его внимание нарядно одетой девицей: *«пусть оденет она платье из лучшего шелка, сядет в кресло из слоновой кости и будет играть сразу на двух фандырах – на одном ногами, на другом – руками»* [2, 97].

Женщины носили шелковые платки. Шатана дает Урызмагу свой шелковый платок, который ему надлежало использовать как символ тревоги [2, 248]. Агунда собирает разбитую свирель Ацамаза, и, понимая ценность этой вещи, обертывает ее красным шелком и прячет в перламутровом девиьем сундуке [2, 308].

Шелк упоминается как самая ценная и дорогая ткань, очевидно не местного происхождения. Частота и контекст ее упоминания позволяют предполагать, что это объект обмена/торговли, свидетельствующий о наличии широких контактов с окружающим миром.

В сказаниях упомянуты и женские украшения. Дочь Адыла просила у своего супруга *«пояс и застежки из серебра»* [2, 408]. Отметим, что серебряные пояс и нагрудные застежки – один из главных элементов осетинской национальной одежды, который долго сохранялся, а в настоящее время актуализировался в современных образцах женского костюма.

Умение не только Шатаны, но и других нартовских женщин шить одежду неоднократно подчеркивается в сказаниях. Описывая достоинства девушки, нарты, наряду с красотой и обходительностью, обязательно упоминали об умении шить. Так, красавица – дочь Адыла, *«сидела с подругами в своей башне: рукоделием занимались девушки»* [2, 61]. Невеста должна была одарить родственников жениха одеждой. Молодая жена Хамыца, лягушка днем и красавица после захода солнца, в первую же ночь решила заняться рукоделием, чтобы угодить новым родственникам. *«Немало шелка, сукна и других богатых тканей с юношеских дней и до дня женитьбы накопил Хамыц. Взяла тут ножницы девушка из рода*

Бцента и стала кроить. Умело и быстро, она одной рукой кроила, другой шила. И все, что требовалось, чтобы одеть с головы до ног сто мужчин – все это скроила и сшила она за одну ночь до утра. Настала вторая ночь, и молодая жена Хамыца приготовила одежду и обувь еще на 200 мужчин [2, 234]. «Возьми все эти одежды и раздай нартам. Кто беднее, тому отдавай лучшее. И не бойся, что мы обеднеем от этого. Никогда не иссякнет и не растратится то, к чему прикоснулась я» [2, 235]. Сырдон бросает вызов нарту Арахдзау: «Если уж ты так силен, Арахдзау, так взял бы себе в жены красавицу – дочь Куан-алдара, которая кроит и шьет в своей семьярусной башне!» [2, 140].

Свадебным подарком невесты самому жениху также была изготовленная ею одежда. Красавица Акола согласилась стать женой Батрадза с условием, что он победит семиглавого уаига Кандзаргаса и освободит его пленников. «До возвращения Батраза не выходила она из повозки и сшила ему красивую одежду» [2, 283].

Одежда была и непременной составляющей калыма. За дочь Шатаны нарты потребовали сотню коней со снаряжением, включая бурки и башлыки [2, 331].

В среде знати определенные виды одежды также являлись предметом дарообмена. Многие исследователи отмечали распространенную в княжеской среде традицию взаимного одаривания: «обычно дарили меха, драгоценные ткани, лошадей, дорогие воинские аксессуары, редкие предметы» [7, 276–277]. Традиционная практика церемониального обмена, отмеченная печатью архаики и обусловленная потребностями установления взаимосвязанных и взаимодополняющих социальных контактов, нашла отражение в сказаниях. Знатные нартовские мужи часто одаривали друг друга скотом, одеждой, оружием, что, очевидно, мотивировалось регламентом социальной интеграции и солидарности.

Одежда становилась и формой подкупа: ворожея по сговору с дочерью Адыла указала на ее мужа как на первого покорителя крепости Гур и претендента на особую долю добычи, получив за эту услугу одежду [2, 64].

В эпосе одежда представлена и как ценный трофей. Алаф, сын кривого уаига Афсарона, вынашивал хитрый план покорения нартовской молодежи во время плясок на поле Зилахар с целью захвата их одежды [2, 259]. «Хочет разойтись нартская молодежь, а сын уаига снял с юношей и девушек одежду и пошел домой. Родная сестра Алафа не могла нарадоваться: «там снизу поднимается брат мой и тащит мне много нарядов, отнятых у нартских девиц...

– Ты не пускал меня отец, а вот видишь, и поплясал я весело, и вволю поиздевался над нартской молодежью. Всю их одежду принес домой», –

радовался Алаф [2, 260]. К воровству одежды знатных нартов прибегал и Сырдон.

Одежда использовалась нартами и как плата за нанесенное оскорбление. Батрадз, узнав о подробностях смерти своего отца Хамыца, убитого Сайнаг-алдаром и Бурафарныгом, которые поделили между собой вещи покойного, в том числе соболью шубу, заявил: «Еду я мстить за смерть отца моего и соберу все его добро» [2, 294]. Однако Батрадз посчитал причастными к смерти отца и других нартов. Кроме того, он обвинял нартов и в травле своей матери (невесты-лягушки) Беценон. И решил Батрадз, что нарты должны заплатить ему за обиду. Он велел им наполнить кожаный мешок своего отца пеплом пурпурно-шелковых тканей. «Собрали они шелковые одежды своих жен и детей и зажгли из них костер на вершине Уаскуппа» [2, 300].

Одежда в Стране нартов – престижно-знаковый элемент культуры, мерило достоинства нарта. Сослан перед смертью слышит от коварного Сырдона, что нарты сшили ему погребальную одежду из кожи лягушек. Встревоженный этой вестью, он просит показать ему подготовленные одеяния. «Зачем тебе живому, видеть то, что понадобится тебе после смерти? Не такова твоя погребальная одежда и не таков твой гроб, чтобы тебе пришлось их стыдиться. Ты могучим и славным сделал наш род, ты отдавал нам всю свою силу, – неужели не приготовили мы для тебя достойной погребальной одежды и неужели не проводим мы тебя достойно в Страну мертвых» [2, 180], – отвечали ему родственники. «Вынесли тогда нарты погребальные одежды – из драгоценного шелка были сотканы они» [2, 193].

Знатные нарты придавали большое значение дороговизне своих одеяний. «Любил Бурафарныг своих сыновей. Из драгоценного меха были у них у всех одинаковые шапки, из одного куса дорогого сукна, светло-серого цвета – одинаковые бешметы, из цельного куса дорогого сафьяна ноговицы и чувяки» [2, 238]. Сыновья Бурафарныга кичились своей одеждой не меньше, чем другими достоинствами.

Резко контрастирует с богатыми нартами Сырдон, взявший в долг кусок ткани. Не имея возможности вернуть этот долг, он рисовал туманные перспективы: «Вот вырою я канаву, пушу по ней воду, а по краям канавы насажу колючек. И вот каждый раз, когда овцы и козы будут идти на пастбище и возвращаться оттуда, они обязательно подойдут к этой канаве, чтобы напиться. И, пробираясь через колючки, будут оставлять на них отличную шерсть. Вот эту шерсть я соберу, натку сукна и сполна расплачусь с тобой» [2, 225].

Женское рукоделие, которое считалось утилитарным благом во всех традиционных обществах с натуральным хозяйством, у нартов расценива-

лось и как некое мерило нравственности. Сослан в Стране мертвых видит женщину, которая с огромным трудом толстой игрой зашивает трещины гор. Бедоха разъяснила удивленному Сослану, что женщина наказана: «при жизни эта женщина обманывала мужа. Любила она другого мужчину и для любовника своего шила, не ленясь, мелким и быстрым стежком. Но ленилась она обшивать своего мужа – с ворчанием, крупными стежками шила его одежды, и на бедняге все разлезалось. Вот теперь и платит она здесь, по обычаю Страны мертвых» [2, 156].

«Видел я еще одну женщину, из ноздрей ее лезут лоскуты сукна и кума-ча, а правая рука горит синим пламенем. Что еще за диво?

– При жизни была швеей эта женщина, и всегда отрезала она себе от каждого куска ткани, которую давали ей шить. Теперь здесь расплачивается за это» [2, 178]. Эпизод очевидно отражает появление профессионального шитья как вида ремесла и реальные ситуации недобросовестного отношения швей к ткани и заказчику.

Для нартовской женщины рукоделие было главным занятием в жизни. Приговоренная к смерти Агунда, которую нарты решили утопить в реке вместе с ребенком, верит, что невиновный в реке не тонет и просит дать ей с собой необходимые принадлежности рукоделия: «может все это еще понадобится мне» [2, 377].

О древности традиций рукоделия свидетельствует найденный Р.Г. Дзаттиати в катакомбах Даргавского могильника, датируемых VI-IX вв., кабаньих клык, который применялся рукодельницами при заглаживании швов [8, 43].

У многих народов Северного Кавказа рукоделие с течением времени развилось в культурный феномен, который кроме способов кройки и шитья, естественных мер длины, используемых при шитье одежды, включал всевозможные обычаи и поверья, молитвы и благопожелания портнихи хозяйке одежды, в зависимости от ее возраста и семейного положения, формы благодарности рукодельницам и пр.

Большой ценностью у нартов считались ткани. «Нарты æртæтыны» – нартовские три куска шерстяной ткани считались дорогим сокровищем. Когда нарты собирались на ныхас, чтобы определить победителя соревнований, куски ткани выносили к Урызмагу, и он торжественно вручал их победителю. «Вынесли к нартовским старейшинам три куска сукна – славное сокровище, которое досталось нартам от предков. Один из отрезков Урызмаг обещал тому из нартов, кто обладает наибольшей мудростью, отвагой и благородством. Второй отрез предназначался самому воздержанному в пище и еде, кто от рождения и до конца жизни своей, как бы тяжело не сложилась судьба его, со славой и честью пронес имя человека.

Третий отрез ткани был объявлен наградой за благородство по отношению к женщине» [2, 287].

Женщины в Стране нартов умели изготовить шерсть и сукно, окрасить их в нужный цвет: в текстах упоминается краска из ольхи для шерстяных тканей. Часто упоминаются шерстяные нитки, туго скрученные, клубки ниток [2, 217].

Распространенным видом мужской одежды были бешметы и бурки. Носили бешметы и знатный Урызмаг, и бедный Сырдон [2, 205]. В.И. Аббаев считал, что термин *куырæт* (*бешмет*) восходит к скифскому периоду [9, 609]. Скифский след видят здесь и другие исследователи. Н.В. Анфимов отмечает, что скифские воины в кафтанах изображены на серебряной вазе из Чертомлыцкого кургана [10, 7], С.И. Руденко также писал о скифском кафтане из Пазырского кургана горного Алтая [11, 110].

Среди находок в Змейских аланских катакомбах обнаружены части бешмета со стоячим воротником. Б.А. Калоев также отмечал сходство бешмета из склепа селения Далагкау со скифо-аланским кафтаном [12, 270].

В осетинской повседневности бешмет *куырæт* – один из главных элементов национальной одежды, его надевали поверх рубашки, подпоясывали ремненным поясом *рон*, к которому мог быть пристегнут кинжал.

Бурка представляла собой длинную накидку из валяной овечьей шерсти, она защищала от дождя, холода и жары, а для пастуха служила и постелью. У нартов бурка наделена сверхъестественной силой: бурка нарта Аца сама сворачивалась и разворачивалась, привязывалась к седлу и развязывалась от него [2, 398]. У осетин разновидностью бурки была верхняя наплечная одежда, накидка из грубой ткани, которую именовали *пæлæз*. Такому плащу сказители тоже придавали волшебные свойства. В более позднее время среди осетин была известна накидка, сходная с одеждой скифов, которая известна под названием хъисын. Ценились и андийские бурки. Обладателем такой андийской бурки был нарт Саууай [2, 452]. Упоминается и черкеска, сотканная из верблюжьей шерсти, принадлежавшая Сайнаг-алдару [2, 311]. Отметим, что исследователи считают, что возникновение черкески *цухъхъа* у осетин относится к послемонгольскому периоду и связано с появлением у них огнестрельного оружия [13, 257].

Производство войлока – одно из древнейших ремесел, оно упоминается Геродотом и Страбоном у скифов, войлочная одежда была известна сарматам и аланам, зафиксирована в Нартовском эпосе. В сказаниях очень часто упоминаются войлочные шляпы и войлочная плетель с волшебными свойствами. Ударив ею о пустой фынг, Сырдон устроил пир и целую неделю угощал нартов [2, 221].

Искусство войлочного производства унаследовали и осетины. Осетинское слово «*нымæт*» происходит от иранского *namata*, что подтверждается его наличием у персов *namad*, белуджей *navad*, авганцев *namla*, памирцев и согдийцев *namad*. Есть мнение, что коль скоро слово войлок происходит из раннего иранского языка, то и само производство войлока уходит корнями в раннеиранскую культуру. Слово шляпа *худ* происходит от иранского слова *hauda*, которое было заимствовано другими языками – персидским, афганским, памирским (ишкашимским), памирским (согдийским), ягнобским и др. [3, 243–244]. Войлочные шапки *нумæтхуд* играли роль подшлемников у алан, судя по осетинским этнографическим материалам, для этих же целей использовался и другой тип войлочной шляпы *fijawuhud* («пастушья шапка») [1, 131–137].

Войлочную шляпу изготавливали из шерсти ягненка, полученной в результате первого бритья. Цвет войлока зависел от цвета шерсти, которая имела четыре базовых варианта – белый, серый, черный и коричневый. Популярность шляпы объяснялась ее многосезонностью: летом она защищала от солнца, осенью и зимой – от влаги. Из этой шляпы путники-осетины даже пили воду, что свидетельствует об ее водонепроницаемости и высоком качестве войлока [14, 59–60]. Папаха упоминается в Стране мертвых, где Сослан наблюдает жесткую схватку между папахой и женским платком [2, 172].

Сказители донесли до нас и сведения об обуви. У знатных нартов встречалась вымощенная из слоновой кости обувь, сафьяновые башмаки. У осетин выходная обувь мужчин также делалась из мягкого черного сафьяна, которая требовала страховки в виде подошвы. Упоминания о воловьей подошве есть в нартовских сказаниях: «много подошв из воловьей кожи стоптали старейшие нарты, которым приходилось ходить сватами на вершину Черной горы, к дочери Сайнаг-алдара красавице Агунде [2, 306].

Бедные нарты ходили в простых чувяках *арчита* из свиной кожи [2, 159]. Арчита, как обувь горцев, порой становилась и объектом насмешек со стороны равнинных жителей. Так, красавица Акола отказалась танцевать с Сосланом: «...ты родом с гор, и если не сумею я собрать мягкой фасал-травы и положить ее в твои арчи, то ты, чего доброго, еще прибьешь меня», на что обиженный Сослан отвечал: «Стать бы тебе жертвой за наших горцев, что носят арчи» [2, 278]. Оказавшись в Стране мертвых, нарт Сослан дивился поединку двух чувяков, одного из воловьей кожи, другого из сафьяна: «Что это еще за невидаль?.. Да разве может такое быть, чтобы чувяк из воловьей кожи взял верх над сафьяновым чувяком!» [2, 172].

Сафьян – показатель социальной принадлежности и материального достатка. Е.Н. Студенецкая выявила, что кожаные сапожки имели «огром-

ный ареал распространения – от Средней Азии, через весь Кавказ, Турцию вплоть до Балканского полуострова... Шили обувь из мягкой кожи – сафьяна. Слово «сафьян» происходит от персидского сехтийан, но на Кавказ и в Россию оно, вероятно, пришло из Турции (тур. saht). В основном в эти места сафьян ввозился из Турции и Крыма» [15, 275]. Аланы отдавали предпочтение коже красного цвета: Арташес, женившись на аланской царевне Сатиник, «отпускает в приданое много красной кожи, много золота» [16, 99].

Пояс у нартов был знаковым элементом одежды. Он трактуется многими исследователями как символический предмет, заключающий в себе магическую силу, как оберег, как символ мудрости. Так, Сослан умом одолевает великана Мукару, который перед своей смертью завещает свой спинной мозг: «Умный ты, Сослан, но не достаешь тебе силы; когда я умру, вытяни мой спинной мозг и сделай из него себе пояс, и тогда вся моя сила полностью перейдет к тебе» [2, 103].

Некоторые исследователи считают, что в данном тексте транслируется мировоззренческая связь спинного мозга с поясом, существующая в представлениях осетин: физиологическая вертикаль (спинной мозг) превращается в пояс. Великан (*уæйыг*) наказывает Сослану, когда спинной мозг устремится в небо и потом упадет, схватить его и обернуть вокруг себя. Суть этого мотива в том, что, соединив концы спинного мозга в виде пояса (кольца), он приобретает невероятную, магическую, мощь и силу [17].

С этим же мотивом связывают и осетинское *арвæрдын* «радуга», которое называли *Сосланы рон* (пояс Сослана) или *Арвы рон* (Небесный пояс). «Феддæдуар сты (Сатана æмæ Сослан) æмæ Бибыцы кард адардтой хуры 'рдæм, æмæ кард Бур айнаджы сæр лагъзы комкоммæ арвы ронау тæлм адардта» (Вышли за дверь (Сатана и Сослан) и направили нож Бибыца к солнцу, и нож над Желтой скалой радугой (Небесным поясом) проложил дорожку к ларцу» [2, 111].

Кожаный или матерчатый пояс долгое время оставался непременной принадлежностью костюма осетин и их предков. Пояса были и предметом импорта: Р.Г. Дзаттиати описывает наконечник пояса, сделанный из бронзы с позолотой, на котором написано арабское благопожелание [18, 6]. В XIX в. были распространены узкие ремни с небольшой металлической пряжкой и наконечником, на котором носили кинжал, пистолет и даже шашку. Узкие ремни с медным или железным набором были обнаружены в наземных склепах осетин [19, 126]. Пояса из холста были также найдены в наземных склепах осетин [19, 126].

Интересным визуальным источником, дополняющим сведения об

одежде, представляются картины и зарисовки М.С. Туганова, посвященные нартовским сюжетам. Туганов был не только известным художником, но и серьезным бытоописателем, которого можно назвать и одним из первых этнографов, скрупулезно изучавшим бытовую культуру осетин, часто прибегая к зарисовкам предметов быта. Этот аспект творчества Туганова привлекает внимание и современных этнологов [20; 21; 22]. На картине М.С. Туганова «Пир нартов» изображены различные виды головных уборов: войлочные шляпы с полями, овчинные, шлемы; полностью представлен женский костюм Шатаны, различные виды рубах, верхняя одежда, отороченная мехом, кожаная обувь и пр. Художник зафиксировал пирующих нартов в одежде разного достоинства, показав, что социальная неоднородность не препятствовала проведению общенартовских пиршеств.

Представления носителей и хранителей нартовского эпоса об одежде отражают природную среду их обитания, хозяйственно-культурные типы, культуру жизнеобеспечения и особенности мифологического мышления, многочисленные и многообразные социальные связи.

1. Сланов А.А. Военное дело алан I-XV вв. Владикавказ: СОИГСИ им. В. И. Абаева, 2007. 399 с.

2. Осетинские нартские сказания. Москва-Владикавказ, 2017. 503 с.

3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.IV. Л., 1989. 325 с.

4. Абаева Ф.О. Об особенностях терминологии кожевенно-скорняжного ремесла в осетинском языке // Известия СОИГСИ. 2016. № 22 (61). С. 113–119.

5. Тайсаев К.У. Модернизация традиционного быта осетин в XIX веке. Владикавказ, 2008. 163 с.

6. Канукова З.В., Дзагоева Э.П. Женская одежда в традиционной культуре осетин // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 1(18). С. 152–155.

7. Щавелев А.С. Съезд князей как политический институт // Древнейшие государства Восточной Европы. М.: Восточная литература, 2006. С. 268–278.

8. Дзаттиати Р.Г. О женских погребениях Даргавса // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2019. №21. С. 39–48.

9. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.-Л.: Академия наук СССР, 1958. 658 с.

10. *Анфимов Н.В.* Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953. 79 с.
11. *Руденко С.И.* Культура Горного Алтая в скифское время. М., 1953. 402 с.
12. *Калоев Б.А.* Осетины: историко-этнографическое исследование. 3-изд. М.: Наука, 2004. 505 с.
13. *Гостиева Л.К.* Одежда // Осетины. Серия «Народы и культуры». М. 2012. С. 237–267.
14. *Мæргъиты И.Т.* Ирон нымæтхуд // Известия СОИГСИ. Вып. 13 (52). 2014. С. 55–63. (на осет. яз.).
15. *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. М., 1989. 288 с.
16. История Армении Моисея Хоренского (Этнографический фонд Н.О. Эмина. Вып. I) / Новый пер. Н.О. Эмина. М., 1893. 363 с.
17. *Моргоева Л.Б.* Рон // Северная Осетия. 2020. № 153 (28112).
18. *Дзаттиаты Р.Г.* Предметы импорта из катакомб Даргавса // Известия СОИГСИ. 2016. №19 (58). С. 5–16.
19. *Тменов В.Х.* «Город мертвых». Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии. Орджоникидзе, 1979. 151 с.
20. *Битиев Б.А.* Родильные обряды осетин в зарисовках М.С. Туганова // Известия СОИГСИ. 2019. №33 (72). С. 18–25.
21. *Битиев Б.А.* «Поиск жертв снежного обвала» в Осетии (по зарисовке М.С. Туганова) // Всероссийские Миллеровские чтения. 2018. № 6. С. 213–218.
22. *Битиев Б.А.* Обряд торжественного выхода невесты к реке в зарисовках М.С. Туганова // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2017. № 17. С. 131–137.

Kanukova, Zalina V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); z.kanukova@mail.ru

Tsogoev, Batraz T. – National Museum of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz, Russia); batraz0501@mail.ru

ICONIC FEATURES AND SYMBOLS OF CLOTHING IN THE NART EPIC OSSETIAN

Keywords: Nart Legends, Cultural Memory, Social Features of Clothing.

The picture of the world, characteristic of traditional culture, is broadcast in a variety of ways, and also via the ideas of clothing, which is one of the elements

of the life supporting culture, reflects the understanding of the ethnos, allows to maintain a lively connection between generations and visually represent the bearer of the culture of ancestors. The study of folkloric sources, in particular of the Narts' kadags, allows to reconstruct some archaic forms of physical life, to trace the trends of their existence in the dynamics of social development, in the changed habitat, in the conditions of external influences and interactions with the foreign cultural environment. Performers of kadags – bearers of the collective historical and cultural memory of the people, through various epic formulas broadcast information about certain elements of clothing and traditions of its manufacture and wearing, which clearly shows the reflection in it of the several epochs and cultural layers, of continuity with the traditional culture of Ossetians.

Analysis of Narts' kadags suggests that they are not the source for a complete ethnographic description of a person's costume in the Land of Nartha, but contain equally important information about the social and symbolic functions of clothing. In the cultural space of the ethnic group it is not only a part of the culture of life support with a utilitarian purpose, it is a text with its own semantics. It was revealed that the clothes of Narts is a prestigious-iconic element of culture, ethnic and social marker, a measure of human dignity. In addition, clothing is a notable trophy, a reward for valor, a valuable gift in a man's society, an indispensable component of the wedding gift exchange, part of the bride price payment, the object of inheritance, a form of bribery, and compensation for the insult. These and other functions characterize clothing as a structure of daily life, reflecting the diverse connections and relationships described in the reality described.

REFERENCES

1. Slanov, A.A. *Voennoe delo alan I-XV vv.* [The war tactics of the Alans I-XVc.]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2007. 399 p.
2. *Osetinskie nartskie skazaniya* [Ossetian Narts' Legends]. Vladikavkaz, 2017. 503 p.
3. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol.IV, Leningrad. 1989. 325 p.
4. Abaeva, F.O. *Ob osobennostyakh terminologii kozhevenno-skornyazhnogo remesla v osetinskom yazyke* [On the peculiarities of the terminology of the tannery-feeding craft in the Ossetian language]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2016, iss. 22(61), pp. 113–119.
5. Taisaev, K.U. *Modernizatsiya traditsionnogo byta osetin v XIX veke* [Modernizing traditional life of the Ossetians in XIX century]. Vladikavkaz, 2008. 163 p.

6. Kanukova, Z.V., Dzagoeva, E.P. *Zhenskaya odezhda v traditsionnoi kul'ture osetin* [Women's clothing in the traditional Ossetian culture]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki* [Herald of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. 2013, iss. 1(18), pp. 152–155.

7. Shchavelev, A.S. *S'ezd knyazei kak politicheskii institut* [Congress of Princes as a Political Institute]. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy* [The oldest states in Eastern Europe]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2006, pp. 268–278.

8. Dzattiati, R.G. *Ozhenskikh pogrebeniyakh Dargavs* [On Dargavs Women's Burials]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. School of Young Scientists]. 2019, iss. 21, pp. 39–48.

9. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [The Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol. I. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1958. 658 p.

10. Anfimov, N.V. *Drevnie poseleniya Prikuban'ya* [Ancient settlements of The Suburb]. Krasnodar, 1953. 79 p.

11. Rudenko, S.I. *Kul'tura Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Altai Mountain Culture in Scythian Time]. Moscow, 1953. 402 p.

12. Kaloev, B.A. *Osetiny: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Ossetians: Historical and ethnographic study]. 3rd edition. Moscow, Nauka, 2004. 505 p.

13. Gostieva, L.K. *Odezhda* [Clothing]. *Osetiny. Seriya «Narody i kul'tury»* [People and Culture series]. Moscow, 2012, pp. 237–267.

14. Marg'ity, I.T. *Iron nymætkhud* [Ossetian felt hat]. *Izvestiya SOIGSI*. [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2014, iss. 13 (52), pp. 55–63. (in Ossetian).

15. Studenetskaya, E.N. *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII- XX vv.* [Clothes of the peoples of the Caucasus XVIII- XX]. Moscow, 1989. 288 p.

16. *Istoriya Armenii Moiseya Khorenskogo (Etnograficheskii fond N.O. Emina. Vypusk 1)* [The History of Armenia by Moses Horensky (N.O. Emin Ethnographic Foundation). Iss. I]. New translation by N.O. Emina. Moscow, 1893. 363 p.

17. Morgoeva, L.B. *Ron* [Belt]. *Severnaya Osetiya* [North Ossetia]. 2020, iss. 153 (28112).

18. Dzattiati, R.G. *Predmety importa iz katakomb Dargavs* [Imports from Dargavs catacombs]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2016, iss. 19 (58), pp. 5–16.

19. Tmenov, V.Kh. «*Gorod mertvykh*». *Pozdnesrednevekoveye skleповые sooruzheniya Tagaurii* [«City of the Dead». Late-medieval cryptic structures of Tagauria]. Ordzhonikidze, 1979. 151 p.

20. Bitiev, B.A. *Rodil'nye obryady osetin v zarisovkakh M.S. Tuganova* [The rodial rites of Ossetians in sketches by M.S. Tuganov]. *Izvestiya SOIGSI*. [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2019, iss. 33 (72), pp. 18–25.

21. Bitiev, B.A. «*Poisk zhertv snezhnogo obvala*» v Osetii (po zarisovke M. S. Tuganova) [«Finding victims of a snow collapse» in Ossetia (by M.S. Tuganov)]. *Vserossiiskie Millerovskie chteniya* [All-Russian Miller Readings]. 2018, iss. 6, pp. 213–218.

22. Bitiev, B.A. *Obryad torzhestvennogo vykhoda nevesty k reke v zarisovkakh M.S. Tuganova* [The ceremonial exit of the bride to the river in the sketches of M.S. Tuganov]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies. School of Young Scientists]. 2017, iss. 17, pp. 131–137.